

Во дворце Хофбург, получив известие, группа королевских эрцгерцогов с тревогой думала о контрмерах. Дело не в том, что они не хотели бежать, а в том, что они не могли.

Прежде чем ситуация вышла из-под контроля, венский суд провел секретное заседание, чтобы рассмотреть вопрос об увольнении премьер-министра Меттерниха и успокоении гнева народа.

В результате внезапный хаос не позволил многим людям уехать. Внезапно повсюду на улице появились повстанцы, и они не осмелились уйти.

Французская революция научила их, что не имеет значения, какой у них благородный статус, целью повстанцев была вся знать.

На самом деле, в то время, пока придворная охрана выходила на улицу, чтобы успокоить хаос, все еще оставался хороший шанс отложить восстание еще до того, как оно действительно начнется.

К сожалению, ни один из этих дворян не взял на себя ответственность. Никто не осмелился принять это решение, и ни у кого не хватило смелости выйти и возглавить Армию обороны города.

Позиция императора Фердинанда I могла быть проигнорирована, так как он был внезапно возбужден такой напряженной ситуацией, настолько, что у него случился еще один припадок из-за его эпилепсии, поэтому нельзя было ожидать, что он примет решение.

Никто не хотел брать на себя вину. Королева Анна не была дурой. Она никогда не любила заниматься политикой. В то время она, конечно, не высказывала свою позицию.

Эрцгерцог Франц Карр, который был вторым после императора, тоже был бледен от страха. Для него было очевидно невозможно принять решение.

Эрцгерцог Людовик, единственный, кто обладал некоторыми способностями, также был неспособен справиться с подобными большими проблемами; в противном случае он не был бы подавлен премьер-министром Меттернихом в Регентском комитете.

«Новости отправлены. В течение двух дней Армия обороны города вернется, чтобы противостоять восстанию, так что просто прикажите войскам стоять против повстанцев, пока не прибудет помощь! »

Эрцгерцог Луи, нахмурившись, наконец принял решение - если можно так назвать.

Отказаться от Вены и сбежать?

Никто не мог вынести последствий, даже эрцгерцог Луи.

Как только Вена будет заброшена, последствия будут огромными. Возможно, семья Габсбургов потеряет трон и окажется в изгнании за границей, как королевская семья Орлеана из Франции.

В тот момент все смотрели на Фердинанда I, и все чувствовали, что будущее было темным.

Если бы Фердинанд I был нормальным человеком, он мог бы вызвать лидера повстанческой армии для переговоров. В конце концов, большинство повстанцев в городе восстали от имени Императора.

Используя политические средства, можно было бы обратить некоторых повстанцев, и после этого с остальными было бы легко справиться.

Они думали, что у них есть способность к политической борьбе и что они не проиграют кучке выскочек. Пока все играют по правилам, они найдут способ с этим справиться.

Такая ситуация была выгодна Францу. Тогда дворянам был нужен многообещающий монарх, чтобы изменить величие империи и защитить свои права и интересы.

...

Известие о восстании в Вене дошло до Франца, но пришло на день позже правительственного распоряжения.

«Альбрехт, что-то происходит в Вене. 7 марта произошло столкновение демонстрантов и перехватившей их армии. Той ночью в Вене вспыхнуло восстание ».

Услышав новости, лицо Альбрехта изменилось, и он поспешно спросил: «Какая сейчас ситуация? Подавлено ли восстание?»

Франц покачал головой и сказал: «Я еще не знаю. Однако вероятность подавления восстания очень мала. Премьер-министр Меттерних уже стар, и ни у кого в венском правительстве не хватит смелости! »

Австрийская империя была старой, и никто не хотел брать на себя ответственность за подавление восстания.

Когда император не может нормально управлять, тому, кто принимает решение вместо него, грозит конец его политической жизни, и ему, возможно, придется отправиться в тюрьму.

Это будет не только от врага, но и от внутреннего нападения: палач, мясник и многие другие обвинения будут возложены на главу правительства.

Из-за этого, чтобы не стать козлом отпущения, многие чиновники в начале восстания проявили робость и не осмелились отдать приказ о кровавом подавлении.

По сути, им приходилось ждать, пока ситуация полностью выйдет из-под контроля, чтобы все знали об угрозе, и тогда консерваторы могли работать вместе, чтобы подавить восстание.

В этом заключалась общая черта старых империй в Европе. Возьмем, к примеру, парижскую революцию, число погибших было менее десяти, что даже не выглядело как революция, а всего лишь небольшая драка в деревне.

Мартовская революция в Вене была почти такой же. Потери в результате боев повстанцев и правительственных войск были совершенно ниже, чем у местных хулиганов и разбойников.

Во многих учебниках истории так называемая армия сочувствовала революции. Фактически, они оставались нейтральными в революции, потому что никто не давал им приказов подавлять ее.

В ту эпоху, когда «передвижения зависело от ног, а общение - от рта», передача информации была очень неэффективной. Вначале не было приказа о подавлении, но как только восстание вышло из-под контроля, приказ не мог даже пройти.

Это была европейская политика, нижние офицеры не решались принимать решения. О подавлении восстания нужно было доложить снизу вверх, а затем пришлось ждать, пока Кабинет министров примет решение. Когда они наконец приняли решение, было уже поздно его выполнять.

Альбрехт вздохнул и посмотрел в сторону Вены. Он беспомощно сказал: «Тогда давай ускоримся!»

"Незачем! При нашей текущей скорости мы можем прибыть в Вену послезавтра. Даже если мы ускоримся, мы не сможем начать атаку ночью!"

И Вена не упадет так скоро. В городе еще столько полицейских и пять тысяч солдат Армии обороны города. Даже если все они бесполезны, они, по крайней мере, должны иметь возможность откладывать дела.

Я отдал приказ охранникам суда, пусть они бодрствуют. Толпа не может прорвать их оборону!
» - объяснил Франц.

Прийти в одночасье было невозможно. Войска должны поддерживать достаточную физическую силу, в противном случае, как они могли обеспечить боевую эффективность?

Хотя военное командование Франца было средним, он все же знал, что уставшие солдаты не могут сражаться.

Основная причина, по которой Альбрехт хотел ускориться, была вне политических соображений. Армия обороны города уже не подавила восстание, прежде всего потому, что они были на тренировках, и он, как командующий Армией обороны города, был виноват.

Затем, после того, как они получили эту новость, он не спешил обратно, что было бы еще одним политическим пятном.

Все эти обязанности возьмет на себя он, а не Франц, потому что именно он был командующим Армией обороны города.

Франц, конечно, знал, что его беспокоит, но в данный момент он не мог рисковать. Самое важное - действовать неуклонно и уверенно и подавлять восстание.

Что касается проблемы ответственности, то какие подчиненные не взяли на себя ответственность за своего лидера?

«Тем не менее, отряд повстанцев по-прежнему остаётся толпой, но им не понадобится много времени, чтобы объединиться, и тогда с ними будет нелегко бороться!» Альбрехт на мгновение задумался и сказал.

«Альбрехт, не беспокойся об этом. Я могу гарантировать, что чем дольше будет время, тем более хаотичным будет вечеринка, и объединить их будет невозможно!» - уверенно сказал Франц.